

Обычно Цзян Цзи домой раньше девяти не возвращался — график у него такой: сначала всех на работе задушит, потом можно и домой. А тут — ещё восьми нет, а он уже материализовался.

За дверью сразу воцарилась такая тишина, что даже кулер перестал булькать. Лу Синъян дёрнулся и в панике оборвал звонок:

— Б-брат, ты уже... дома?

— Ага. Ты занят? — Цзян Цзи сказал это буднично и шагнул к нему.

Чем ближе он подходил, тем прямее сидел Лу Синъян за компом — спина деревянная, глаза честные, душа дрожит:

— Ты... эээ... ты слышал...

— Что слышал? — лицо Цзян Цзи — камень. Спокойно поставил тарелку с фруктами. — Мама велела передать. Учишься — подпитывай мозги, а то завянут.

Лу Синъян уставился на манго, потом на брата. Манго сияет спелым боком — витамины, конечно, но это что, прикрытый намёк, что у него в черепашке сквозняк?

— Спасибочки, — пробормотал он и натянул невинность. Мол, нет тут никаких стратегов.

Внутри Лу Синъян шептал всем богам и демонам: лишь бы Цзян Цзи ничего не слышал. Ну или сделал вид, что не слышал. Судя по лицу брата — вроде бы пронесло.

Лу Синъян выдохнул с натянутой улыбкой:

— Брат, ты сегодня прям рано... Ты хоть поел?

— Поел, — кивнул Цзян Цзи, а сам уже буравит взглядом монитор. — Это что тут? Диплом твой?

— Ты чего! — Лу Синъян подскочил так, что стул закрипел. — Это не мой! Это Сун Чэн позорит альма-матер. Сейчас всё прикрою, чтоб тебя не травмировать!

Цзян Цзи посмотрел на него секунду — и вдруг коротко хмыкнул. Ну хоть кто-то сегодня развлёк.

Уходить и не думал — тихо подтянул к себе стул, сел рядышком и стукнул по столу согнутым пальцем. Такой сигнал — считай, звон колокола перед казнью.

Лу Синъян дёрнул глазом. Внутри всё скукожилось до размера изюма: всё, приговор подоспел.

Цзян Цзи, как положено палачу, начал с прелюдии:

— Я тут пару дней думал...

Лу Синъян вытянулся в струнку.

— Ты правда меня любишь?

— ...А?

Неожиданно! Он думал, сейчас или “да” или “нет” прозвучит — а тут допрос с пристрастием.

— Люблю! Конечно люблю! — затараторил Лу Синъян, не моргнув.

— Правда? — Цзян Цзи чуть наклонился, повернув голову так, что теперь смотрел почти в упор. — С какого момента? Что именно стало толчком? Ты ведь так и не сказал нормально. Вот и расскажи.

Приехали. В его великом плане такого не было.

Лу Синъян застыл, как баран перед новыми воротами. Цзян Цзи не спешил — сидел, смотрел прямо, абсолютно без эмоций.

Глаза у него такие, что можно потеряться, как в чёрной дыре. Лу Синъян не выдержал, отвёл взгляд и уставился на его щеку.

Редкий шанс разглядеть Цзян Цзи вблизи.

Кожа светлая, ровная — видно, мягкая. Но лицо при этом всё равно камень: холодный, гладкий, к которому и прикоснуться страшно.

Что забавно — Лу Синъян в целом не фанат лиц. Никогда не считал Цзян Цзи каким-то сногшибательным красавцем. Ну так, просто ледяная скульптура под боком.

Ну нос и глаза — ну и что? Не единственный человек на планете с таким комплектом.

Хотя... Ладно, Лу Синъян честно признавал: из всех носов и глаз на свете у Цзян Цзи эти детали почему-то сложились удачнее. Красивый. И что теперь?

Красивая физиономия супом не кормит.

Лу Синъян отвёл взгляд, пальцы вцепились в сиденье так, что обивка тихо молила о пощаде. Дышал неровно — а вокруг, как назло, становилось всё жарче. Цзян Цзи снова занял всё пространство и весь кислород — любимая привычка этого коварного паразита.

Мог бы хоть на метр отодвинуться!

Лу Синъян молча страдал — ради великого плана он был готов заложить душу и кислород впридачу.

— Ты правда хотел, чтобы я это сказал? — прохрипел он, пересохшими губами цепляясь за слова, как за соломинку. — Ну... это была любовь, что медленно проросла. Без фейерверков.

Цзян Цзи и глазом не повёл:

— Правда? Забавно. Ты же сначала меня видеть не мог. Если уж так развернуло — значит, что-то случилось?

«План случился! — Лу Синъян мысленно выдал Цзян Цзи билет в один конец туда, где солнце не светит. — Я тебя только на голом упрямстве терплю!»

Но вслух — только святая невинность:

— Ну... может... что-то было... — скрипнул мозгами Лу Синъян. — Когда я ещё в старших классах ошивался... Ах да! В десятом!

Например, тот памятный уикенд.

Цзян Цзи тогда жил в кампусе — и однажды взял да пропал с радаров. Лу Синъян остался без любимой мишени и внезапно понял: скука смертная. Даже пирожные больше не радовали — не в кого ими швырнуть.

Ну и что? Лу Синъян плюнул на гордость (и здравый смысл) и решил снизойти: найти эту гадину лично.

Как раз тогда возле универа проводили акцию — «купи чай, второй бесплатно». Ещё и подставка в подарок.

Лу Синъян, естественно, вплёл Цзян Цзи в свой план: «Подставку хочу! Но пить чай одному — грех. Так и быть, угощу тебя второй кружкой. Из чистого человеколюбия».

Отправив это великодушное послание, он по графику явился в условленную точку — под дерево у входа.

Цзян Цзи в то время работал по выходным, чтобы не просить денег. Они не виделись уже больше месяца.

Лу Синъян стоял в тени, представляя, как сейчас выглядит его «ненавистная заноза»: похудел? Волосы постриг?

Стоял, грезил — и вот, дождался. Цзян Цзи появился.

Лу Синъян уже собрался выйти из тени и показать, кто здесь всё держит под контролем. Но не успел. Рядом с Цзян Цзи шла девушка. Белое платье, длинные волосы, взгляд снизу вверх — слишком милая, слишком правильная.

Они подошли к точке, встали в очередь и спокойно купили тот самый чай.

Лу Синъян смотрел, как они разговаривали. Как она улыбалась. Как Цзян Цзи кивнул, будто так и должно быть.

Лу Синъян с размаху засадил кулаком в дерево — чтобы хоть что-то почувствовать, кроме кипящей злости. Дерево, конечно, не ощутило. Цзян Цзи впереди — тем более.

Он только наблюдал, как эти двое взяли чай, урвали тот самый милый подстаканник — в форме хурмы, чтоб всё было ещё обиднее — и как девица что-то сказала Цзян Цзи на прощание и упорхнула.

Только тогда Цзян Цзи лениво раскрыл телефон — вспомнил, что у него где-то там бродит Лу Синъян. Набрал что-то на ходу: «Ты где? Почему не пришёл?»

Лу Синъян шагнул из тени. Голос сорвался:

— Вот он я.

Цзян Цзи спокойно протянул ему подстаканник.

— На. Купил тебе. Можешь не тратить деньги — иди домой.

Лу Синъян стоял с этим несчастным «хурмовым» сувениром и с сердцем, которое готово было бахнуть в космос от ярости.

Это вообще чей подстаканник? Формально — купил Цзян Цзи. Но он что сделал? Угостил кого-то там чаем, а бонус спихнул ему — гениально! Что за человек вообще такой?!

Нужен Лу Синъяну этот несчастный подстаканник? Да он мог бы всю эту забегаловку выкупить вместе с чаем, сахаром и плиткой!

— Она кто? Ты что, встречаешься с ней?! — процедил Лу Синъян сквозь зубы. — Говорил же — занят, домой некогда вернуться, а тут вдруг на свиданку время нашлось? Кто тебе разрешил?

Цзян Цзи посмотрел на него так, как смотрят на сумасшедших, сбежавших из клетки:

— Никто. Не встречаюсь. Просто подруга. Ты будешь это забирать или нет?

— Не надо! — Лу Синъян дёрнулся, вырвал подстаканник и демонстративно швырнул его в ближайшую урну. — Уродство какое! Мне хурма вообще не нравится!

Цзян Цзи завис на секунду, нахмурился:

— Другого варианта не было. Я ж тебе по доброте душевной отдал. Мог бы и спасибо сказать.

Лу Синъян поймал этот холодный взгляд и снова почувствовал, как будто его пронзили насквозь.

Он развернулся и ушёл. Поймал такси прямо с обочины, хлопнул дверью так, что звук ещё долго отдавался в ушах.

От чайной до дома он ехал с мокрыми глазами. Не от слёз — от злости. Всё внутри кипело, но наружу вырывалось только через глаза.

Цзян Цзи — бедствие. Не было в мире никого, кого он ненавидел бы так упорно. И с каждым годом эта ненависть только глубже въедалась под кожу.

Дома Лу Синъян не нашёл покоя. В голове крутилось одно и то же: Цзян Цзи с этой девчонкой — смеётся, говорит с ней спокойно, легко. А ему, Лу Синъяну, ничего не осталось. Он сидел один, запертый в четырёх стенах, никому не нужный.

И за что ему всё это?

В ту ночь он открыл свой «Чёрный список преступлений Цзян Цзи» и жирно вписал туда новую строку. Он пообещал себе однажды вернуть всё — с процентами.

Собственно, именно этим он сейчас и занимался.

Он состроил самое жалобное лицо на свете, щедро намазал старую обиду сладкими словами и выдал с надрывом:

— Вот тогда я и понял, что... похоже, я в тебя влюбился...

— Так рано? — Цзян Цзи чуть приподнял бровь, почти одобрительно. — Значит, ты тогда лицо

воротил из-за ревности?

Лу Синъян мысленно хохотнул: ага, счас! Но вслух выдавил ещё каплю «искренности»:

— Да, брат. Я боялся, что ты найдёшь кого-то и забудешь про меня.

Цзян Цзи кивнул, взгляд серьёзен — только бы не рассмеяться. Он прекрасно помнил, как всё было на самом деле.

Тогда Лу Синъян вызвал его — ясно было, что этот мелкий снова хочет сцены. А у Цзян Цзи как раз нашлась одnogруппница, которой приспичило попробовать ту новинку из чайной. Почему бы и нет? Они вдвоём красиво разыграли спектакль прямо под носом у Лу Синъяна.

Всё вышло, как он и рассчитывал: никакие подстаканники ему не были нужны. Нужен был повод разозлиться, наорать и исчезнуть на месяц, дуться в одиночку.

Иногда Цзян Цзи даже скучал по этим истерикам. Но в отличие от Лу Синъяна, он сам выбирал, когда ворошить этот улей.

Раньше он считал, что не стоит слишком давить на этого упрямца — слишком уж просто это было. Но теперь Лу Синъян сам начал свой цирк с гениальным планом: «Заставлю зависеть, потом брошу и унижу». Ну-ну. Держи карман шире.

— И всё? — лениво спросил Цзян Цзи. — Это и есть твоя великая история любви?

— Много ещё! — Лу Синъян дёрнулся, но сделал вид, что у него за спиной целый роман. — Просто сразу не расскажешь...

Он начинал нервничать. Сколько ещё это можно тянуть?

— Ты можешь сказать, что решил? — выдохнул он почти шёпотом. — Ну вот эти дни... ты что надумал?

Цзян Цзи лениво ответил, не спеша:

— Думал много. Любовь — вещь серьёзная. С ней не шутят.

— Согласен! — Лу Синъян кивнул так быстро, что шея хрустнула. — И...?

Цзян Цзи помолчал.

— Поэтому я ещё подумаю.

Лу Синъян застыл. Внутри всё рухнуло с грохотом. Он таскал эти сцены, слова, намёки — а этот гад спокойно сказал «я ещё подумаю».

Он уже открыл рот, чтобы что-то выдать, но не успел. Цзян Цзи вдруг добавил:

— Но знаешь... рассудок важен. А любовь — про то, что чувствуешь. Надо проверить, есть ли это чувство.

Лу Синъян замер. Слова ещё долетали до сознания, но тело уже знало всё само. Он чуть вжал спину в кресло, смотрел, как Цзян Цзи поднимается, подходит ближе. Шаг, ещё шаг. Воздух стал густым.

Инстинкт подсказывал — сейчас что-то будет. Он не шевельнулся. Только глаза цеплялись за каждое движение: рука, что легла на подлокотник, дыхание, что вдруг стало слышно.

Цзян Цзи наклонился. Его голос был тихим, почти ленивым, но слова будто прожгли кожу:

— Так что я хочу проверить... есть ли у меня к тебе чувство.

Горячее дыхание коснулось губ Лу Синъяна. И всё. Всё внутри сжалось, отозвалось под кожей электричеством. Он даже дышать забыл — только глаза распахнулись, едва не коснулись его взгляда.

В следующую секунду его губы коснулись губ Лу Синъяна — и не просто коснулись. Он прижал его к креслу, одна рука вжалась в подлокотник, другая легла на плечо — и Цзян Цзи целовал глубоко, медленно, будто проверял всё сразу и не спешил никуда.

Это был не тот случайный, скупой контакт, что случался раньше. Это был настоящий поцелуй — долгий, серьёзный.

Лу Синъян на миг перестал дышать. Потом рефлекторно глотнул воздух — но кроме чужого дыхания в лёгкие не попало ничего. Цзян Цзи буквально забрал весь воздух себе.

Прирождённый хищник. Одним движением он замкнул его пульс у себя под ладонью. Лу Синъян успел взглянуть в его глаза — и увидел там себя, беспомощного, прижатого к креслу.

— Б-брат... — выдохнул он, почти теряя сознание от этого сладкого удушья.

Всего лишь поцелуй. Но лампа светила слишком ярко, Цзян Цзи не спешил отстраняться, а короткие паузы, когда он чуть отрывался и снова тёплым дыханием касался губ — сводили с ума сильнее, чем сам поцелуй.

Лу Синъян не понял, как это вышло. Он хотел оттолкнуть его, но руки сами сомкнулись у него за спиной — как у утопающего, который вцепился в спасательный круг.

Но зависело тут всё не от него. Цзян Цзи вдруг выпрямился, отстранился и посмотрел сверху вниз.

— Что-то, не цепляет.

Лу Синъян моргнул. Он не сразу понял смысл.

Цзян Цзи, чтобы не оставалось недомолвок, спокойно повторил:

— Поцеловал тебя — и ничего не почувствовал. Ну и что теперь с этим делать?